

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ КУЛАКОВ

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Институт археологии Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)
drkulakov@mail.ru

ПУТИ ТОРГОВЛИ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ БАЛТИИ ПО НАХОДКАМ ФИБУЛ ПОЗДНЕРИМСКОГО ВРЕМЕНИ

Основной материал, позволяющий восстановить пути торговли позднеримского времени в Янтарном крае, – застёжки с кольцевой гарнитурой. Картирование этих находок указывает на Самбию как бесспорный центр появления и производства этих аксессуаров убора. Более того, размещение на западной окраине балтского мира групп находок упомянутых фибул указывает на развитие их традиций на правом берегу р. Нярис. Пути, по которым могли распространяться с Самбии образцы продукции местных мастеров, как показывает картографирование находок фибул, пролегали по водным трассам. Накопившийся к настоящему времени фибульный материал позволяет впервые в истории балтийской археологии с уверенностью восстановить пути торговых контактов на исходе античной эпохи. Эта работа откроет новую страницу истории древнего населения Балтии. В VII веке фибулы типа Å4, изготавливавшиеся в западной части Мазурского Поозерья, начинают в обмен на янтарь (?) поставляться в ареалы ламатов и куршей. Завершение использования таких фибул фиксируется на основе данных мазурских могильников на рубеже VII–VIII веков. Так завершается пятисотлетняя история внешней и внутренней торговли, которую вели эстии и одним из продуктов которой были фибулы, причем сначала – провинциально-римские, затем – самбийские.

Ключевые слова: юго-восточная Балтия, фибулы, пути межплеменных контактов

Для цитирования: Кулаков В. И. Пути торговли в юго-восточной Балтии по находкам фибул позднеримского времени // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 2. С. 8–13. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.444

ВВЕДЕНИЕ

Позднеримское время, соответствующее хронологическим фазам C₁-D₁, для западной окраины балтского мира к юго-западу от дельты р. Memel/Неман своими хрономаркерами имеет, в частности, арбалетовидные фибулы с подвязной ножкой или с литым иглоприемником. К вышеупомянутым фибулам относятся отдел двучленных застёжек, часть из которых, обладающих крупными размерами и накладными деталями с покрытием серебряной фольгой, именуются фибулами Monströse (лат. “Fibulae monstruosae”) (группа VII «Двучленные фибулы с высоким иглоприемником» – 6: Taf. IX)¹. По южнорусским находкам установлена дата таких находок – II в. н. э. и позже [1: 72–74]. На западной границе балтского мира известны 9 находок фибул Monströse (типа AVII,217), преимущественно относящихся к группе Przybyła 6 фаз C_{1b}–C₂ [8: 265, 271]. Данные фибулы характеризуются лучеобразными ответвлениями, направленными в стороны от нижней округлой пластины застёжки. Фибулы в комплексах парны и обнаруживаются исключительно в погребениях знатных женщин. Прототипы за-

стежек Monströse на разной стадии их развития попали на Янтарный берег на фазе B_{1b} (фибулы типа AIV,71-AIV,75) из Среднего Подунавья и после завершения Маркоманнских войн в кон. II в. н. э. вместе с германскими переселенцами с Ютланда (застёжки типа Prussia-Museum) [5: 48]. Так как фибулы Monströse, обнаруженные на вельбарских памятниках археологии в Причерноморье, конструктивно более развиты/деградированы относительно балтийских находок, то очевидно поступление их прототипов на юг Восточной Европы из Балтийского региона.

«...Самбия² и дельта р. Вислы, основные зоны распространения фибул М в Балтии, были важнейшими участками сакрального пути, связывавшего восточно-германские ареалы в Поднестровье и Поднепровье с островными культовыми центрами на западе балтийской акватории. Как железные гребни и предметы с руническими знаками старшего футарка, фибулы Monströse являлись материальными показателями участия древних германцев (прежде всего – женщин) в культовых ритуалах» [5: 49].

Очевидно, фибулы Monströse изготавливались в позднеримское время германскими мастерами-мигрантами из Ютланда для знатных женщин,

осуществлявших (что засвидетельствовано декором указанных фибул) культовые акции. Картирование находок этих фибул в Центральной и Восточной Европе свидетельствует о распространении их по пути, которым на фазе B₂/C₁ восточногерманские племена отправились из Балтии в Причерноморье (рис. 1). Понеся серьезное поражение в ходе Маркоманнских войн, германские отряды, стремящиеся к участию в торговле с Римом и в надежде освоить восточноевропейские черноземные территории, отправились по варварской рокаде, не пересекая паннонского лимеса [7: 51, 52].

Самой распространенной в Балтии поздне римского времени формой застежки была фибула с подвязной ножкой типов AVII,158, AVII,161, 162, 164, 167. Их прототипы появились в Тюрингии на фазе C_{1a}, несколько позже – на Ютланде. В пределах Балтийского региона изготовленные из железа подвязные фибулы распространяются сначала в пшеворском ареале³. Если фибулы Monströse в незначительном количестве поступали из Балтии в Днестровско-Днепровскую зону переселения групп восточных германцев вместе со своими знатными хозяйками (возможно – жрицами-haliu gunnas), то подвязные фибулы, будучи фактически так называемым ширпотребом для обитателей Barbaricum, поступали по рокаде варваров значительными массами (рис. 2). Арбалетовидные фибулы с фасетированным корпусом, являющиеся маркером черняховских и вельбарских древностей, подвергались на Самбии копированию [5: 58], будучи, видимо, для эстиев (западных балтов и германцев) престижной деталью убора. На территории Польского Поморья такие застежки датируются временем после фазы C₂ [10: 90, Abb. 5, 1, 2].

Самый крупный массив арбалетовидных фибул, известный в древностях юго-восточной Балтии в поздне римское время, – фибулы с кольцевой гарнитурой. Первым из археологов обратил внимание на эти артефакты шведский коллега Нильс Оберг [4: 466]. Считая прародиной этих фибул Самбию, Н. Оберг разделил находки на три типа: Å2, фазы C₁–C₂ (тип AVII,167 с тремя кнопками на пружине, имеющие подвязной иглоприемник, чем отличаются от своего прототипа – фибул типа AIX,211), встречены в погребениях по одному экземпляру, что соответствует мужскому убору; Å3 (лишенные третьей кнопки große Ambrustfibeln=große ABF длиной до 5 см с тремя кольцами рифленой проволоки на нередко покрытом серебряной фольгой корпусе фибулы) встречены в погребениях попарно, что

соответствует женскому убору, и Å4⁴. Застежки последнего типа характеризуются несколькими кольцами на массивном корпусе, обтянутом серебряной и, реже, золотой фольгой. В. Новаковский в своих работах обратил внимание лишь на фибулы große Ambrustfibeln, датируя их 350–400 годами и относя их кольцевой декор к Lubowidz–Stil [9: 19, 57]. Если варшавский коллега, не обращая внимание на слабую аргументацию своего вывода, считает причину появления этих фибул на Самбии восточногерманским импульсом из Восточного Поморья, то материалы могильника Dollkeim/Коврово неоспоримо свидетельствуют в пользу местного происхождения фибул с кольцевой гарнитурой, восходящих к застежкам типов AIV,74 и AIV,81 и датируемых фазой C_{1b}.

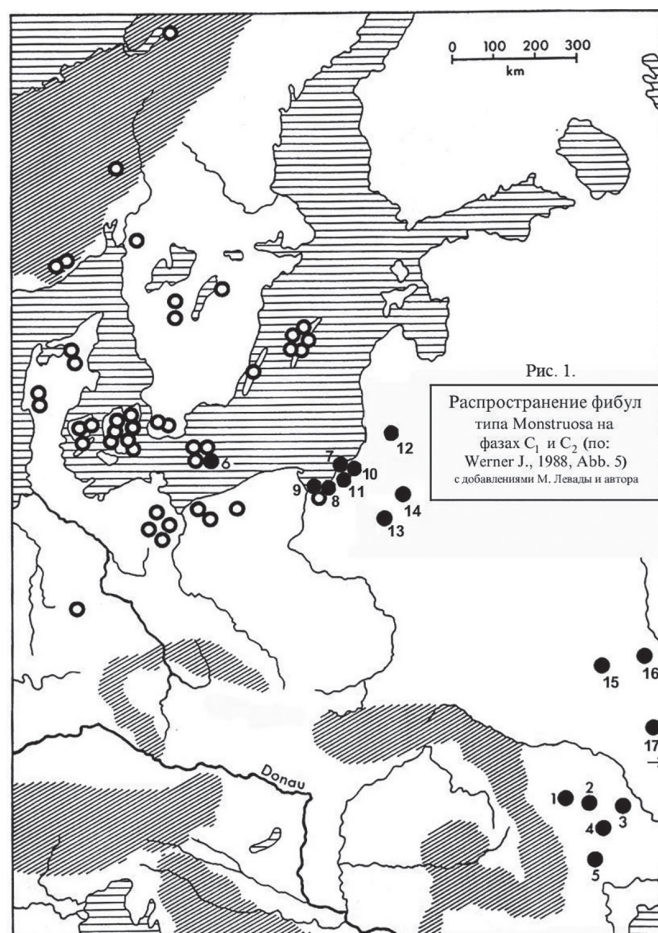
Недавно к проблеме изучения фибул с кольцевой гарнитурой обратилась О. А. Хомякова. В своей статье, являющейся частью диссертации, она согласилась (правда – без сноски) с моим вариантом типологии этих фибул по Н. Обергу [6: 128]. Неправомерно приписывая мне точку зрения о происхождении кольцевой гарнитуры из традиций «сарматской культуры», автор статьи не замечает того, что автор этих строк писал о продолжении в фибулах с кольцевой гарнитурой «развития линии фибул типов AIV,74 и AIV,81», относящихся не к «сарматской» (по М. Мончиньской), а к провинциально-римской культуре [2: 35]. Вслед за В. Новаковски О. А. Хомякова излагает тезис о появлении фибул с кольцевой гарнитурой на Самбии благодаря восточногерманскому импульсу [6: 131], с чем я никогда и не спорил. Более того, полагаем, что исследовательнице осталась неизвестной моя статья 2004 года [2: 123, 124], где была высказана основная часть тезисов о предыстории фибул с кольцевой гарнитурой, «выдвинутых» О. А. Хомяковой в своей статье. Единственным несомненным плюсом рассматриваемой работы является подробный разбор технологии декора фибул с кольцевой гарнитурой, что позволило уточнить датировку отдельных экземпляров фибул [6: 135].

Картирование находок различных типов фибул с кольцевой гарнитурой указывает на Самбию как бесспорный центр появления и производства этих аксессуаров убора (рис. 3). Более того, размещение на западной окраине балтского мира групп находок упомянутых фибул указывает на развитие их традиций «на материалах правобережья р. Нярис, в племенном ареале аукштайтов VI в. н. э.» [2: 124]. Пути, по которым могли распространяться из Самбии образцы продукции местных мастеров в виде арбалетовидных фибул с кольцевой гарнитурой, как показы-

вает картографирование их находок, пролегали по водным трассам (рис. 3), которыми пронизан ареал западных балтов. В VII веке фибулы типа Å4, изготавливавшиеся мастерами западной части Мазурского Поозерья, начинают в обмен на янтарь (?) поставляться в ареалы ламатов (дельта р. Неман) и куршей (территория совр. Литовского Взморья). Завершение использования таких фибул фиксируется на основе данных мазурских могильников на рубеже VII–VIII веков [3: 125]. Так завершается пятисотлетняя история внешней и внутренней торговли, которую вели эстии и одним из продуктов которой были фибулы, причем сначала – провинциально-римские, затем – самбийские.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приведенные наблюдения над торговыми путями на западной окраине балтского мира в позднеримское время свидетельствуют о прекращении в этом историческом периоде поставок массовой продукции провинциально-римских мастерских, что было характерно для начала нашей эры. Очевидно замирание торговых операций по Великому Янтарному пути (по рекам Висла и Дунай), чья деятельность была затруднена в результате войн с варварами. Роль источника импортов у дунайских и рейнских провинций Империи перенимает Самбия, переживающая на ранней фазе развития прусской археологической культуры расцвет в различных формах деятельности.

1 - Todireni; 2 - Vasilica; 3 - Budești; 4 - Dančeny; 5 - Chanska; 6 - Slusegaard; 7 - Grebieten; 8 - Weklie; 9 - Lubieszewo; 10 - Lauth; 11 - Brandenburg; 12 - Lietuva; 13 - Polowity; 14 - Grunajki; 15 - Petrikivtsy; 16 - Novopolovetskoje; 17 - Medvedovka.

Рис. 1. Распространение фибул типа Monströse фаз C₁ и C₂ [5: рис. 45]

Fig. 1. Distribution of Monströse-type fibulae of phases C₁ and C₂ [5: Fig. 45]

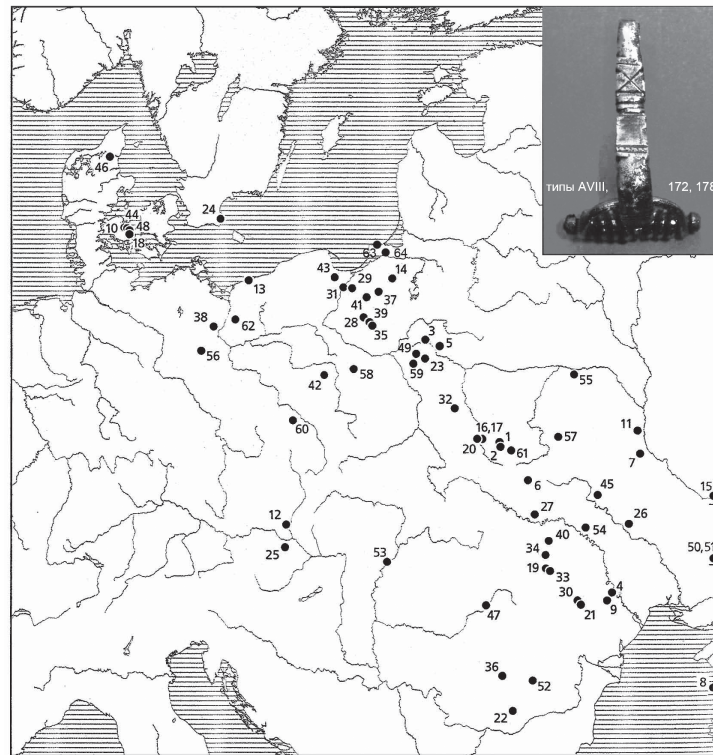

Рис. 2. Распространение подвязных фибул: 1 – Байів, Волынская обл., Украина, погр. 20; 2 – Боромель, Ровненская обл., Украина, 2 экз.; 3 – Brulino Koski, woj. mazowieckie, Polska, погр. 27; 4 – Budești, Moldova, погр. 128; 5 – Ceele, woj. podlaskie, Polska, погр. 26, 283, 370, 374; 6 – Чернелів Руський, Тернопольская обл., Украина, погр. 146; 7 – Черняхів, Киевская обл., Украина, погр. 256, 2 экз.; 8 – Харакс, Крым, Украина, погр. 33; 9 – Dančeny, Moldova, погр. 118; 10 – Davinge, Fyn, Danmark, погр. 4; 11 – Деревянное, Киевская обл., Украина, погр. 4; 12 – Drösing, Niederösterreich, случ. находка; 13 – Dzierżęcino, woj. zachodniopomorskie, Polska, погр. 21; 14 – Grunden/Grądy Krukłaneckie, woj. warmińsko-mazurskie Polska, погр. 65; 15 – Градижк, Полтавская обл., Украина, поселение; 16 – Gródek nad Bugiem, woj. lubelskie, Polska, поселение; 17 – Gródek nad Bugiem, woj. lubelskie, Polska, поселение; 18 – Gudme III, Sjælland, Danmark; 19 – Hănești, jud. Botoșani, Romania, погр. 13; 20 – Hrubieszów–Antonówka, woj. lubelskie, Polska, погр.; 21 – Iași–Nicolina, Romania, поселение; 22 – Izvorul, jud. Giurgiu, Romania, погр. 21 (?); 23 – Jartypory, woj. mazowieckie, Polska, погр.; 24 – Jarrestad, Sverige, погр., 2 экз.; 25 – Jois, Niederösterreich, случ. находка; 26 – Косаново, Винницкая обл., Украина, погр. 2, 15; 27 – Костинцы, Черкасская обл., Украина, поселение; 28 – Kozłówo, woj. warmińsko-mazurskie, Polska, погр. 7 (?); 29 – Krosno, woj. warmińsko-mazurskie, Polska, погр. 192; 30 – Letcani, jud. Iași, Romania, погр. (?); 31 – Leczna, woj. lubelskie, Polska, погр. 32; 32 – Malbork–Wielbark, woj. warmińsko-mazurskie, Polska, погр. 4C; 33 – Mihălășeni, jud. Botoșani, Romania, погр.; 34 – Miorcani, jud. Botoșani, Romania, погр. 20 (?), 55; 35 – Modła, woj. mazowieckie, Polska, погр. 28, 38, 65; 36 – Mogoșani, jud. Dimbovită, Romania, погр. 12, 17; 37 – Nerwik, woj. warmińsko-mazurskie, Polska, погр. 1; 38 – Neuhaus, Lkr. Uckermark, Deutschland, погр.; 39 – Niedanowo, woj. mazowieckie, Polska, погр. 109, 543; 40 – Оселівка, Черновицкая обл., Украина, погр. 41; 41 – Ostróda, woj. warmińsko-mazurskie, Polska, погр.; 42 – Piwnice, woj. Wielkopolskie, Polska, поселение; 43 – Pruszcz Gdański, woj. pomorskie, Polska, погр.; 44 – Roskilde, Fyn, Denmark, погр., 2 экз.; 45 – Самчинцы, Винницкая обл., Украина, поселение; 46 – Sejflod, Jylland, Denmark, погр. OO, 2 экз., XF; 47 – Sântana de Mureș, Romania, погр. 48 (?); 48 – Smedehoj, Fyn, Denmark, погр.; 49 – Stara Wieś, woj. mazowieckie, Polska, погр. 9 (?); 50 – Танаис (Недвиговка), Ростовская обл., кург. 1, погр. 1; 51 – Танаис (Недвиговка), Ростовская обл., город; 52 – Tirgșor, jud. Poiești, Romania, погр. 1 (?), 139; 53 – Tiszavalk, Magyar, погр. 1, 12; 54 – Вилы Яругские, Винницкая обл., Украина, погр. 4 (?); 55 – Велемичи, Гомельская обл., Беларусь, погр.; 56 – Waltersdorf, Lkr. Dahme–Spreewald, Deutschland, поселение; 57 – Вербица, Хмельницкая обл., Украина, случ. находка; 58 – Wola Branicka, woj. łódzkie, Polen. Siedlungsfund (Moszczynski 2000, 209, Abb. 7, 19); 59 – Wola Korytnicka, woj. mazowieckie, Polska, случ. находка; 60 – Zerniki Wielkie, woj. dolnoslawskie, Polska, погр. 8; 61 – Зиновичина, Тернопольская обл., Украина, погр.; 62 – Żukowo, woj. zachodniopomorskie, Polska, погр. 2, 2 экз.; 63 – Dollkeim/Коврово, Зеленоградский р-н, Калининградская обл., погр. Do–370; 64 – Lauth/Б. Исаково, Гурьевский р-н, Калининградская обл., погр. L–11 [5: рис. 59]

Fig. 2. Distribution of garter fibulae: 1 – Bayiv, Volyn region, Ukraine, burial 20; 2 – Boromel, Rivne region, Ukraine, 2 copies; 3 – Brulino Koski, Mazowieckie province, Poland, burial 27; 4 – Budești, Moldova, burial 128; 5 – Ceele, Podlaskie province, Poland, burials 26, 283, 370, 374; 6 – Cherneliv Rus'ky, Ternopil region, Ukraine, burial 146; 7 – Chernyakhov, Kiev region, Ukraine, burial 256, 2 copies; 8 – Charax, Crimea, Ukraine, burial 33; 9 – Dančeny, Moldova, burial 118; 10 – Davinge, Fyn, Denmark, burial 4; 11 – Derevyannoye, Kiev region, Ukraine, burial 4; 12 – Drösing, Niederösterreich, accidental finding; 13 – Dzierżęcino, Zachodniopomorskie province, Poland, burial 21; 14 – Grunden/Grądy Krukłaneckie, Warmińsko-Mazurskie province, Poland, burial 65; 15 – Gradyzhk, Poltava region, Ukraine, settlement; 16 – Gródek nad Bugiem, Lubelskie province, Poland, burial 28; 17 – Gródek nad Bugiem, Lubelskie province, Poland, settlement; 18 – Gudme III, Sjælland, Denmark; 19 – Hănești, Botoșani county, Romania, burial 13; 20 – Hrubieszów–Antonówka, Lubelskie province, Poland, burial; 21 – Iași–Nicolina, Romania, settlement; 22 – Izvorul, Giurgiu county, Romania, burial 21 (?); 23 – Jartypory, Mazowieckie province, Poland, burial; 24 – Jarrestad, Sweden, burial, 2 copies; 25 – Jois, Niederösterreich, accidental finding; 26 – Kosanovo, Vinnytsia region, Ukraine, burials 2, 15; 27 – Kostintsy, Cherkasy region, Ukraine, settlement; 28 – Kozłówo, Warmińsko-Mazurskie province, Poland, burial 7 (?); 29 – Krosno, Warmińs-

ko–Mazurskie province, Poland, burial 192; 30 – Letcani, Iași county, Romania, burial (?); 31 – Leczna, Lubelskie province, Poland, burial 32; 32 – Malbork–Wielbark, Warmińsko–Mazurskie province, Poland, burial 4C; 33 – Mihălășeni, Botoșani county, Romania, burial; 34 – Miorcani, Botoșani county, Romania, burials 20 (?), 55; 35 – Modła, Mazowieckie province, Poland, burials 28, 38, 65; 36 – Mogoșani, Dimbovita county, Romania, burials 12, 17; 37 – Nerwik, Warmińsko–Mazurskie province, Poland, burial 1; 38 – Neuhaus, Uckermark district, Germany, burial; 39 – Niedanowo, Mazowieckie province, Poland, burials 109, 543; 40 – Oselivka, Chernivtsi region, Ukraine, burial 41; 41 – Ostróda, Warmińsko–Mazurskie province, Poland, burial; 42 – Piwonice, Wielkopolskie province, Poland, settlement; 43 – Pruszcz Gdański, Pomorskie province, Poland, burial; 44 – Roskilde, Fyn, Denmark, burial, 2 copies; 45 – Samchintsy, Vinnytsia region., Ukraine, settlement; 46 – Sejflod, Jylland, Denmark, burials OO (2 copies), XF; 47 – Sântana de Mureș, Romania, burial 48 (?); 48 – Smedehoj, Fyn, Denmark, burial; 49 – Stara Wieś, Mazowieckie province, Poland, burial 9 (?); 50 – Tanais (Nedvigovka), Rostov region, burial mound 1, burial 1; 51 – Tanais (Nedvigovka), Rostov region, city; 52 – Tirgșor, Poiești county, Romania, burials 1 (?), 139; 53 – Tiszavalk, Magyar, burials 1, 12; 54 – Vily–Yarugskie, Vinnytsia region, Ukraine, burial 4 (?); 55 – Velemichi, Gomel region, Belarus, burial; 56 – Waltersdorf, Dahme–Spreevald district, Germany, settlement; 57 – Verbitska, Khmelnytskyi region, Ukraine, accidental finding; 58 – Wola Branicka, Łódzkie province, Poland, settlement (Moszczynski 2000, 209, Fig. 7, 19); 59 – Wola Korytnicka, Mazowieckie province, Poland, accidental finding; 60 – Zerniki Wielkie, Dolnoslawskie province, Poland, burial 8; 61 – Zinovichy, Ternopil region, Ukraine, burial; 62 – Żukowo, Zachodniopomorskie province, Poland, burial 2, 2 copies; 63 – Dollkeim/Kovrovo, Zelenogradsky district, Kaliningrad Region, burial Do–370; 64 – Lauth/B. Isakovo, Guryevsky district, Kaliningrad Region, burial L–11 [5: Fig. 59]

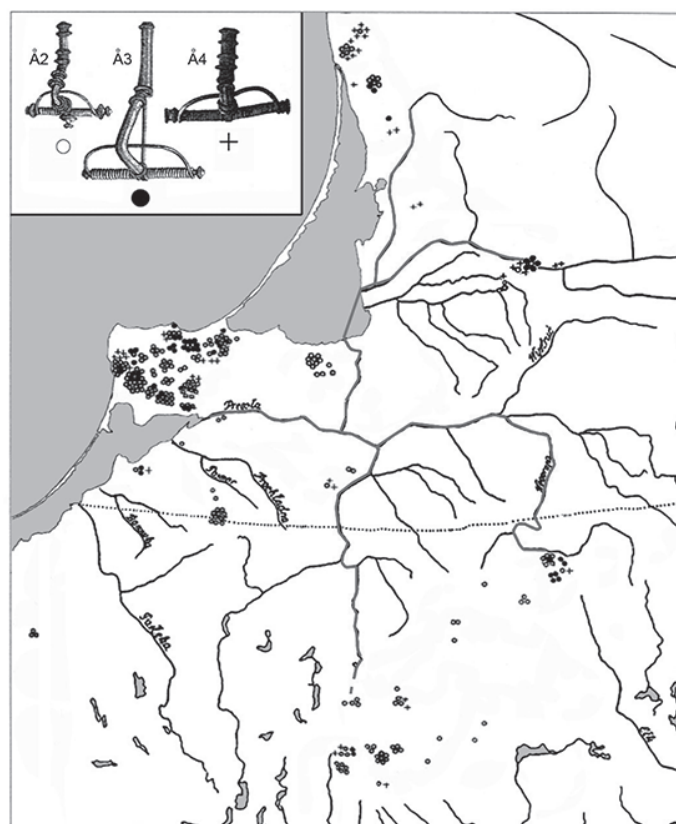

Рис. 3. Распространение фибул с кольцевой гарнитурой [7: Karte]

Fig. 3. Distribution of fibulae with decorative rings [7: Karte]

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Almgren O. Studien zur Nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte und Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen. Leipzig: Verlag von Curt Kabitzsch, 1923.

² Ныне – Калининградский п-ов в Калининградской области.

³ Ареал расселения носителей пшеворских древностей (в том числе – вандалы) от р. Одера до р. Варты.

⁴ Åberg N. Ostpreußen in der Völkerwanderungszeit. Uppsala-Leipzig: Almqvist, Wiksells Boktryckeri-A.-D, 1919. S. 14, 15.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР. Свод археологических источников. Вып. Д1-30. М.: Наука, 1966. 111 с.
2. Кулаков В. И. Доллякайм-Коврово. Исследования 1879 г. Минск: Институт истории НАН Беларуси, 2004. 135 с.

3. Кулаков В. И. Фибулы Балтии с кольцевой гарнитурой из архива копий Центрального Римско-Германского музея (Майнц) // *Российская археология*. 2004. № 3. С. 123–127.
4. Кулаков В. И. Оберг // *Большая Российская энциклопедия*. Т. 23. М.: Большая Российская энциклопедия, 2013. С. 466.
5. Кулаков В. И. Сокровища Янтарного края. Показатели инокультурных влияний на древности Самбии и Натангии в I–IV вв. н. э. Калининград: Калининградская книга, 2016. 362 с.
6. Хомякова О. А. Стиль кольцевого декора в материалах самбийско-натангийской культуры поздне римского периода // *Славяно-русское ювелирное дело и его истоки*. СПб.: Нестор-история, 2010. С. 128–141.
7. Kulakov W. Jütland-Dobruška: die Rochade der “Barbaren” vom 2. bis 4. Jh.n.Chr. *Archaeologia Bulgarica*. Bd. V. Sofia: Institut of Archaeology, 2001. S. 45–58.
8. Lund Hansen U. Przybyła M. J. Rosettenfibeln – ein Klassifikationsversuch. Worlds apart? Contacts across the Baltic Sea in the Iron Age // *Network Denmark-Polen 2005–2008*. Kobenhavn; Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2010. S. 241–286.
9. Nowakowski W. Das Samland in der Römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit den Römischen Reich und der barbarischen Welt. Veröffentlichungen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg. Sonderband 10. Marburg; Warszawa: Vorgeschichtliches Seminar, 1996. 169 s.
10. Schuster J. Untersuchungen zu den spätkaiserzeitlichen Fibelformen Almgren 185 und 172 und deren gegenseitigem Verhältnis // *Veröffentlichungen zur brandenburgischen Landesarchäologie*. Bd. 35. Wünsdorf: Verlag Brandenburgisches Landesmuseum, 2004. S. 1–272.

Поступила в редакцию 29.10.2019

Vladimir I. Kulakov, Doctor of History, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)
drkulakov@mail.ru

TRADE ROUTES IN SOUTHEAST BALTIA ACCORDING TO THE ARCHAEOLOGICAL FINDS OF THE LATE ROMAN PERIOD

Fasteners with decorative rings comprise the main archaeological material which enables to restore the trade routes of the late Roman period in the Amber Region. Mapping of these archaeological finds points to Sambia as the undisputed center for the appearance and production of these accessories. Moreover, the location of the groups of these fibulae on the western outskirts of the Baltic world indicates the development of their traditions on the right bank of the Neris River. The routes along which the samples of local craftspeople's products could be distributed from Sambia, as shown by the mapping of the found fibulae, ran along the waterways. In the VII century, Å4-type fibulae, manufactured in the western part of the Masurian Lake district, started to be brought in exchange for amber (?) to the Lamata and Curonian areas. The period when such fibulae ceased to be used is recorded on the basis of data from the Mazurian burials at the turn of the VIII century. It was the end of the five-hundred-year history of foreign and domestic trade, which was carried on by the Estii and included trading in fibulae – first, from Roman province and then from Sambia.

Keywords: southeastern Baltic, fibulae, tribal contacts

Cite this article as: Kulakov V. I. Trade routes in southeast Baltia according to the archaeological finds of the late Roman period. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 2. P. 8–13. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.444

REFERENCES

1. Ambrose A. K. Fibulae of the south European part of the USSR. *Collection of Archaeological Sources*. Issue D1-30. Moscow, 1966. 111 p. (In Russ.)
2. Kulakov V. I. Dollkeim-Kovrovo. Research in 1879. Minsk, 2004. 135 p. (In Russ.)
3. Kulakov V. I. Baltic fibulae with decorative rings from the archive of copies of the Roman-Germanic Central Museum (Mainz). *Russian Archaeology*. 2004. No 3. P. 123–127. (In Russ.)
4. Kulakov V. I. Oberberg. *Great Russian Encyclopedia*. Vol. 23. Moscow, 2013. P. 466. (In Russ.)
5. Kulakov V. I. Treasures of the Amber Region. Indicators of foreign cultural influences on the antiquities of Sambia and Natangia between the I and the IV centuries. Kaliningrad, 2016. 362 p. (In Russ.)
6. Хомякова О. А. The style of ring decor in the materials of the Sambian-Natangian culture of the late Roman period. *Slavic and Russian jewelry and its origins*. St. Petersburg, 2010. P. 128–141. (In Russ.)
7. Kulakov W. Jütland-Dobruška: die Rochade der “Barbaren” vom 2. bis 4. Jh.n.Chr. *Archaeologia Bulgarica*. Bd. V. Sofia, 2001. S. 45–58.
8. Lund Hansen U. Przybyła M. J. Rosettenfibeln – ein Klassifikationsversuch. Worlds apart? Contacts across the Baltic Sea in the Iron Age. *Network Denmark-Polen 2005–2008*. Kobenhavn; Warszawa, 2010. S. 241–286.
9. Nowakowski W. Das Samland in der Römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit den Römischen Reich und der barbarischen Welt. Veröffentlichungen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg. Sonderband 10. Marburg; Warszawa, 1996. 169 s.
10. Schuster J. Untersuchungen zu den spätkaiserzeitlichen Fibelformen Almgren 185 und 172 und deren gegenseitigem Verhältnis. *Veröffentlichungen zur brandenburgischen Landesarchäologie*. Bd. 35. Wünsdorf, 2004. S. 1–272.

Received: 29 October, 2019